

Виктор Егорович Сивчиков (1956–2015)

6 января 2015 года трагически оборвалась жизнь Виктора Егоровича Сивчикова – незаурядного геолога, яркого, самобытного исследователя стратиграфии и флоры верхнего палеозоя Сибири.

Виктор Егорович родился 20 ноября 1956 года в г. Боготол Красноярского края, где в 1974 году окончил среднюю школу. Геологическое образование получил в Красноярском институте цветных металлов (ныне входит в состав Сибирского федерального университета) и в Томском политехническом институте (сейчас – Национальный исследовательский Томский политехнический университет).

Дальнейший творческий путь Виктора Егоровича был неразрывно связан с геологическими работами, тематическими и научными изысканиями. В разное время он работал на ГП «Красноярскгеолсъемка», а в последние годы – в отделе стратиграфии и палеонтологии СНИИГГиМС. В.Е. изучал верхнепалеозойские отложения Кузбасса, Минусинского прогиба, Западного Таймыра, Тунгусского бассейна, Верхоянья.

Стремление постичь закономерности формирования верхнепалеозойской угленосной толщи Сибири привело его к изучению растительных макроостатков, на которых во многом основаны стратиграфические схемы. Решающую роль в его становлении как палеоботаника сыграла известная специалистка по кордаитовым растениям Л.В. Глухова, ученица великого С.В. Мейена (1935–1987). Благодаря работе с ней, Виктор Егорович освоил методы эпидермальных исследований листьев ангарских кордаитов, а также впервые познакомился с идеями С.В. Мейена в области палеоботаники и стратиграфии.

Судьба подарила ему всего одну встречу с великим мэтром – незадолго до кончины последнего, в Москве, в ходе непродолжительной стажировки. Виктор Егорович был так впечатлен яркой харизмой личности С.В. Мейена, что с тех пор стремился быть похожим на него, а после его кончины, в трудных условиях постперестройки – продолжить его дело, сохранить и возродить палеозойскую палеоботанику в стране.

«Прошедшие годы, – писал он в 2007-м в одном из писем, – сильно растрепали всю геологию, в том числе и кадры. <...> Кадровые потери, видимо, уже невосполнимы. Наша задача, подчеркну особо – *наша общая*, а не моя личная, – сохранить профессию палеоботаника, создать условия для преемственности и выиграть время. Уверен, что логика развития геологии не допустит отказа от палеоботаники вообще, но вероятность появления разрыва в преемственности до сих пор велика. Особенно велика в существующей реально нашей разобщенности, оторванности друг от друга и профессиональной невосприимчивости. <...> Поэтому одна из самых важных стратегических задач – почувствовать локоть друг друга, взаимный интерес и попытаться вновь осознать себя сообществом ангарских палеоботаников, как это произошло во времена Мейена. Это не самоцель – это проявление инстинкта самосохранения на профессиональном уровне».

Эти слова можно рассматривать как своего рода завещание В.Е. нам, пока остающимся на Земле.

В.Е. был непростым человеком, с развитым нравственным чутьем и выраженной социальной доминантой. По своему духовному складу это

был довольно типичный русский романтик-идеалист, самобытный моралист и правдоискатель с задатками проповедника. Ситуацию в российской геологии и палеоботанике, в обществе и в окружающей его жизни он рассматривал не только и не столько утилитарно-прагматически, но и в немалой мере – с нравственных позиций, с точки зрения правды и справедливости. Это неизбежно вело к конфликтам с окружающей действительностью, резко обострившимся в последние годы, когда сил становилось все меньше, а восприятие происходящего – все более тягостным. Отсутствие заслуженного признания, непонимание со стороны близких и коллег вызвало у В.Е. своего рода карамазовский бунт против несправедливо устроенной жизни, закончившийся почти толстовским, решительным разрывом с ней. В.Е. обладал тонкой, ранимой душой, но довольно слабой волей, плохо «держал удар» и больно переживал свои и чужие беды, преодолевая постоянные стрессы печально известным на Руси путем.

В свои молодые годы, в пору надежд и цветения В.Е. был замечательно красив, обладал интеллигентной, мужественной внешностью, ярко выраженным эстетизмом во всем. Он элегантно одевался, импонировал манерой общения, любил красивых, незаурядных женщин, и они любили его.

Как ученый, Виктор Егорович обладал проницательным умом, склонным к широким теоретическим обобщениям, «с блесками провинциального гения», как образно говорила о нем М.В. Дуранте (1934–2014). Он умел реально оценить ситуацию, мыслить стратегически – недаром увлекался игрой в шахматы. И не его вина, что в условиях российской действительности многие отпущенные ему способности и задатки не получили должного и правильного развития. Как говорил в свое время великий русский художник А.А. Иванов, создатель известного «Явления Христа народу», в России таланту, чтобы что-то сделать, нужно родиться дважды, потому что в первой жизни его все равно замучают до смерти.

Вслед за С.В. Мейеном, В.Е. много размышлял над методическими проблемами, связанными с реконструкцией ископаемых растений, и теоретическими вопросами их номенклатуры, предлагая во многом оригинальные решения. Ему принадлежат ценные наблюдения и обобщения данных о прижизненной связи дисперсных органов верхнепалеозойских растений Сибири. После

С.В. Сухова (1919–1981) Виктор Егорович стал крупнейшим знатоком дисперсных семян верхнего палеозоя Сибири, установив несколько новых их родов и видов.

Приобретая обширные познания в области позднепалеозойских флор Сибири и опыт стратиграфических исследований, Виктор Егорович старался привлечь внимание коллег к недостаткам сложившихся стратиграфических схем. Он охотно делился своими знаниями, горячо и аргументированно отстаивал свою точку зрения.

Опираясь на результаты комплексного биостратиграфического изучения верхнего палеозоя Западного Таймыра, Виктор Егорович составил схему, в которой впервые выделил биостратиграфические горизонты перми – ефремовский, убойнинский и крестьянский.

Исследования Виктора Егоровича внесли существенный вклад в стратиграфию Минусинского прогиба. На Абаканской площади он, опираясь на результаты предыдущих исследований, обосновал присутствие верхнепермских отложений и выделил новую изыхскую свиту. По отсутствию комплексов, переходных между «балахонскими» и «кольчугинскими» комплексами растительных остатков, им был установлен значительный перерыв между нижнепермскими образованиями (нарылковская свита) и изыхской свитой.

Виктор Егорович придавал большое значение детальному изучению Изыхского опорного разреза. Комплексные исследования с отбором палеонтологического материала (фауны, флоры, спор и пыльцы) позволили выделить региональные горизонты и соподчиненные им местные биостратиграфические подразделения (лоны).

Особенно важным для корреляции угленосных толщ верхнепалеозойских бассейнов Сибири стал предложенный Виктором Егоровичем «побережный горизонт» карбона.

В последние годы жизни Виктор Егорович вслед за Г.П. Радченко и О.А. Бетехтиной с соавторами развивал идею создания единой региональной шкалы верхнепалеозойских отложений для Ангарской биостратиграфической области. В предложенном им в 2009 году варианте весь разрез расчленен на 12 горизонтов, часть из которых имела стратотипы в Минусинском бассейне.

Виктор Егорович был не только исключительно преданным своему делу человеком. Он любил природу, увлекался фотографией. Ранний его уход – ошутимая потеря для отечественной науки.

И.В. Будников, А.С. Варганов, Н.Б. Донова, И.А. Игнатьев, С.А. Измайлова, С.В. Ладыгин, И.М. Мащук, Ю.В. Мосейчик, И.Н. Соболева, О.В. Сосновская

Памяти В.Е. Сивчикова

Открываются окна, чтобы дышать,
Открываются двери, чтобы войти...

Андрей Деменюк

Нелепая смерть оборвала жизнь Виктора Егоровича Сивчикова, специалиста по стратиграфии верхнего палеозоя Сибири, одного из немногих исследователей, вписавших свое имя в летопись изучения древнего материка Ангарида.

Обладая обширными региональными познаниями в изучении отложений карбона и перми и ископаемой флоры Сибирской платформы, Таймыра, Кузбасса и Минусинского прогиба, он всегда пытался заставить всех специалистов задумываться над сложившимися стратиграфическими парадигмами континентального верхнего палеозоя.

Судьба сложилась так, что в науку Виктор Егорович пришел, пройдя серьезную школу геолого-съемочных работ, проводившихся экспедицией «Красноярскгеолсъемка» в 1980–90-х годах на территории Игарского района (Нижне-Курейский объект). И будучи, прежде всего, геологом-съемщиком, он четко понимал задачи стратиграфии для целей геологического картирования.

Пытливый ум и неординарный характер увлекли его заняться палеоботаникой, освоить методы палеоботанической науки и внести свой вклад в изучение ископаемой ангарской флоры. На формирование его научных взглядов во многом повлияли труды М.Ф. Нейбург, Г.П. Радченко, С.Г. Гореловой, О.А. Бетехтиной, С.В. Мейена, В.А. Красиловой, Л.В. Глуховой и, конечно же, его личный опыт в изучении разрезов. Собственно *стратиграфия* и была делом его жизни.

Так, по результатам работ на Абаканской площади Минусинского прогиба им была выделена новая изыхская свита позднепермского возраста (по современной стратиграфической шкале биармийский отдел средней перми). Свита была отнесена к ильинскому надгоризонту Кузбасса, который сопоставляется с казанским ярусом общей шкалы. По отсутствию комплексов, переходных между балахонскими и кольчугинскими флорами, установлен значительный перерыв между нижнепермскими образованиями (нарылковская свита) и изыхской свитой.

Комплексно охарактеризованные (фауной, флорой, палинокомплексами) интервалы Изыхского разреза Минусинского прогиба выделены в ранге региональных горизонтов и соподчиненных им местных биостратиграфических подразделений – лон, и на этом основании предложено

расчленение мазуровского и алыкаевского горизонтов Кузбасса на подгоризонты.

Особенно важным для понимания межрегиональной корреляции верхнепалеозойских угленосных бассейнов Сибири стал «побережный горизонт» (верхняя половина мазуровского горизонта; стратотип по р. Абакан возле пос. Изыхские Копи), предложенный Виктором Егоровичем в качестве регионального репера – «с него на большей части Тунгусского бассейна начинается площадное осадконакопление. Подошва данного горизонта сопоставляется с основанием московского яруса, отмеченного контрастной верейской трансгрессией».

Надо отметить, что Абаканскому разрезу Виктор Егорович придавал ведущую роль в распознавании геологической истории континентального карбона Сибири – ключ и ответы хранит сей памятник Природы! Только загляни! Прикоснись! «Мы узрим за деревьями лес. В каждой капле увидим море...». Только прикоснись...

Виктор Егорович был отмечен печатью выше. Недаром В.В. Круговых окрестила его «непризнанным гением». Именно благодаря ее напору они с В.Е. Сивчиковым сделали хорошую работу по Таймыру. На этом материале он и планировал защищать диссертацию. У него было очень много материала, но он слишком разбра-

сывался, а потом иссякли силы, занемог... и вот развязка!

Виктор Егорович, светлая ему память, действительно *вошел* в наш мир, а дышать ему было трудно, потому что мнил или ощущал себя выше всех. Каждый приходит на ту Землю зачем-то. Вот и Витина роль – показать, какими мы должны быть...

Н.Б. Донова

Человек смертен...

Человек смертен, и притом внезапно смертен... Так говорил М. Булгаков устами Воланда. И вот эта внезапность надолго выбивает близких людей из жизненной колеи. Так и произошло с нами, его коллегами-палеоботаниками.

С Виктором Егоровичем мы познакомились сравнительно недавно – в 2006 году, в Томске на палеоботаническом коллоквиуме. Он сам подошел ко мне, представился, и деликатно спросил, кто я. Доброжелательность, заинтересованность со стороны Виктора Егоровича были искренними. И мы с ним быстро нашли общий язык. К концу дня казалось, что мы знакомы сто лет. Нас сближало и то, что мы работали с Виктором Егоровичем в одних и тех же районах, в Якутии. У нас было много общих знакомых, как это обычно бывает, когда люди занимаются одними и теми же проблемами. Выяснилось, что мы оказались с ним к тому же поздними родителями (наши дети были погодками).

Коллоквиум 2006 года прошел на подъеме, очень позитивно, доброжелательно. Завязалось много новых контактов, восстановлены старые связи. Все участники были в приподнятом настроении. И во главе этого был Виктор Егорович, который своим энтузиазмом, инициативой, провокационными профессиональными вопросами задавал тон на заседаниях.

В ноябре 2010 года Виктор Егорович приезжал к нам в Иркутск. В течение этого времени мы перезванивались, его интересовал стратотип катской свиты. Его девизом в работе геолога-биостратиграфа было при спорных моментах – всегда обращаться к стратотипу свиты. У меня была коллекция ископаемой флоры из стратотипа катской свиты, собранная С.Ф. Павловым в 1964 году. Ее-то и хотел посмотреть Виктор Егорович. При просмотре коллекции собралось мно-

го студентов (у меня были практические занятия). Это занятие блестяще провел Виктор Егорович. Студенты слушали его затаив дыхание. Вот тут-то и открылся его талант педагога, пропагандиста. Ребятами было задано множество вопросов. Общение было очень свободным. И у ребят, и у Виктора Егоровича горели глаза. Ответы его были глубокими и профессиональными, далеко не краткими и не формальными. Все остальные довольны друг другом. Когда он улетал из Иркутска, провожать его в аэропорт пошла я и еще несколько студентов.

Последняя наша встреча произошла в 2013 году опять же в Томске. Виктор Егорович был полон новых замыслов. Не давали ему покоя и старые проблемы северо-востока Тунгусского бассейна, в частности – Мало-Ботуобинского района и Айхала, которому он посвятил немалую часть своей научной деятельности.

13 октября 2014 года он прислал мне последнее письмо, где мы обговаривали все моменты поездки на стратотип катской свиты, которая должна была состояться летом 2015 года. Сколько приятного волнения было у него, сколько планов и решений спорных вопросов предполагал Виктор Егорович. В общении с ним было приятно то, что при отстаивании своего мнения он не давил на собеседника, выслушивал его точку зрения, старался разобрать все слабые и сильные стороны. И если оппонент оставался при своем мнении, то говорил – время покажет, что будет дальше, нужно пересмотреть материал. Доброжелательность, умение работать с людьми, энтузиазм, профессионализм, жизнь для науки – в этом весь Виктор Егорович. Полагаю, что для нас, палеоботаников, это большая утрата. Вечная память тебе, Виктор Егорович!

И.М. Мащук

Он не умел жить по правилам...

Виктор Егорович Сивчиков оставил свой след в науке, являясь автором и соавтором многих публикаций и отчетов по стратиграфии и флоре верхнего палеозоя Сибири.

Он был доброжелательным и общительным по характеру человеком, бескомпромиссным в работе и далеко не во всем удобным для окружающих. Себя я отношу к кругу его коллег и друзей, с которыми у него не было конфликта интересов, и не были омрачены дружеские отношения. С чувством горечи вспоминаю наше двадцатилетнее дружеское общение. Стараясь быть объективной, сказала бы о нем в самом широком смысле – он не умел жить по правилам.

В 1995 году я приехала к Людмиле Васильевне Глуховой в КИЦМ (Красноярск) на стажировку с целью овладения микроструктурным методом. Не могла не посетить «Красноярскгеолсъемку» на ул. Березина, 3, где работали мои полевые наставники студенческих времен – Владимир Анатольевич Турчин, Андрей Аркадьевич Аксенов и однокурсница Ирина Смокотина. Запечатлелась в памяти атмосфера в экспедиции, мало изменившаяся с восьмидесятых – те же геологические дискуссии, радостные встречи, та же невыраженность субординации и особого почитания лиц с научными регалиями. И это контрастировало с вузовской средой того времени. В этом творческом геологическом муравейнике я и познакомилась с Виктором Сивчиковым, учеником Людмилы Васильевны, о котором я от нее уже знала.

Стол Виктора был заставлен книгами и образцами. Из его недр на поверхности появились самые интересные образцы, многочисленные пронумерованные пробирки со снятыми фитолеймами, вставленные в лоток с песком. Все сопровождалось комментариями: вот это настоящая «бомба», а вот это еще надо перепроверить...

В его «святая-святых», кернохранилище, что рядом с экспедицией, я была впечатлена количеством и сохранностью материала. Тогда Виктор сказал, что его жизни не хватит изучить этот материал одному, и призывал меня также к этому приобщаться. С того времени мне не приходилось бывать в экспедиции, и коллекции Виктора Егоровича, со слов Нины Борисовны Доновой, перевезены в другое место. Мое первое впечатление о Викторе Сивчикове как фанатике, любящем свое дело, и доброжелательном человеке сохранилось до сих пор.

Лихие девяностые из нашего поколения более благополучно пережили те, кто работал на одном месте, жил в одном городе и в одной семье. Виктор Егорович из числа тех, кто круто меняет свою жизнь по всем направлениям. Несмотря на все перемены, сначала ему сопутствует везение, жизнь дает большой аванс на будущее. Любимая работа по специальности в палеонтологической лаборатории в Новокузнецке, создание новой семьи уже в зрелом возрасте с эффектной, добрейшей женщиной Валентиной, томичкой, рождение дочери Лизы, в которой он души не чаял. Также он удочерил дочь Валентины и всегда относился к ней как к своей родной. Рядом друг, такой же «фанат» верхнего палеозоя, стратиграф-седиментолог Игорь Васильевич Будников, который, к тому же, имел весомую должность в СНИИГГиМСе. Тогда всеми правдами-неправдами он смог купить Виктору Егоровичу квартиру в Новокузнецке, что совсем не мало, если не главное для новой жизни.

Большой опыт фитостратиграфических исследований в Минусинском бассейне и на Западном Таймыре Виктор Егорович применил к исследованию кольчугинской серии Кузбасса. Альянс Будникова–Сивчикова, смежных узких специалистов, был продуктивным. Написаны отчеты, изданы наиболее весомые статьи.

А потом наступила черная полоса. Никто не прогнозировал повсеместное сокращение геологических работ. Палеонтологическая лаборатория в Новокузнецке перестала существовать. Тяжелым недугом поочередно заболели жившие в Боготоле родители Виктора Егоровича. Год он ухаживал и боролся за жизнь отца, оставшегося в Боготоле в одиночестве после смерти матери. В этот сложный период важнейшую поддержку ему оказали друзья – Нина Борисовна Донова, сокурсница и бывшая коллега по «Красноярскгеолсъемке», и Игорь Васильевич Будников. Главное, тогда он получил любимую работу – был принят научным сотрудником в отдел стратиграфии и палеонтологии в СНИИГГиМС, но мог работать в Боготоле.

После смерти отца в 2000-е начался «кочевой» период жизни Виктора Егоровича, разрывающий его на части между Томском, где теперь жила его семья, Новосибирском, где была его работа, и Красноярском, где остались две его дочери от первого брака и друзья в экспедиции. С того времени он часто приезжал в Томск к семье и всегда выбирал время заехать в ТГУ. Встреча-

ми я дорожила, поскольку специалистов по стратиграфии и флоре верхнего палеозоя в Томске не было, и я испытывала дефицит профессионального общения.

Виктор Егорович имел манеру неторопливо и доходчиво излагать мысли, может быть даже чересчур подробно, и в этом были видны его не реализованные педагогические способности. Для меня были особенно интересны его увлекательные рассказы об особенностях образования и строения угленосных толщ, распределения в них растительных остатков, что позволяло лучше понимать происходившие процессы. В то же время растительные остатки интересовали Виктора Егоровича в большей степени как субстанция горной породы с набором специфических признаков, а не как собственно части растений. Исключение, пожалуй, составляли семена. Разный подход и отношение к изучению растительного материала были поводом для постоянных дискуссий и споров. При этом Виктор Егорович нередко их провоцировал, а мне приходилось занимать оборонительную позицию – доказывать, демонстрировать образцы, рисовать схемы. Чаще всего каждый из нас так и оставался при своем мнении, а в целом это было на пользу и только активизировало деятельность, за что я весьма благодарна Виктору Егоровичу.

Работа в отделе стратиграфии и палеонтологии СНИИГГиМСа, где имелась созданная С.Г. Гореловой приличная палеоботаническая база, была перспективна в плане профессиональной самореализации и роста. У Виктора Егоровича были успешными проекты, полевые работы, новые материалы из разных районов Сибири. Особое место в эти годы занимали исследования стратиграфии и флоры востока Тунгусского бассейна. Одновременно трудовая деятельность в СНИИГГиМСе налагала и обязанности по организации палеоботанических исследований, поскольку устаревшие стратиграфические схемы континентального верхнего палеозоя территорий Сибири нуждались в обновлении.

Организационными функциями Виктор Егорович, на мой взгляд, явно тяготился и не обладал для этого необходимыми качествами. Одно дело побуждать к раскрытию тайн природы или зарыться в книги, просмотреть под микроскопом тонны образцов или обследовать каждый сантиметр разреза, и совсем другое – собрать в единый рабочий организм развалившееся к 2000-м палеоботаническое сообщество. Тем не менее он

положил начало объединения палеоботаников, предложив провести палеоботанический коллоквиум в 2006 году в Новосибирске. Однако в последний момент он умело перевел стрелки на ТГУ, к большому моему неудовольствию. Если мероприятие в целом и не провалилось, то планируемые конкретные задачи в рамках палеоботанического обоснования стратиграфических схем остались не выполненными, не были подготовлены и решения коллоквиума. Важным результатом стал сам факт оживления палеоботаники в России.

Виктор Егорович развивал идеи О.А. Бетехиной относительно выделения региональных горизонтов Сибири, но не был услышан коллегами по цеху. Представленный им в 2009 году на коллоквиуме в Главном ботаническом саду РАН в Москве «Проект единой региональной шкалы верхнепалеозойских отложений Сибири», по сути, был отвергнут. Возвращаясь гораздо позже к этой теме, Виктор Егорович признавался, что это было самым большим профессиональным поражением в его жизни. Он недоумевал и даже возмущался, почему коллеги не понимают, казалось бы, очевидные вещи. Только уточняющие вопросы позволили мне получить относительно ясную картину того, какой именно смысл он вкладывал в этот проект. Виктор Егорович считал, что в рыночных условиях могут финансироваться только проекты, имеющие практическое применение. Разработка единой региональной стратиграфической шкалы могла быть той идеей, которая была способна объединить усилия палеоботаников по разным направлениям, необходимые для создания новых стратиграфических схем, а одобренный проект – стать основой для соответствующих заявок. Как бы то ни было, но этот посыл не был четко озвучен на коллоквиуме, многими, как и мной, не был понят, а виделась только сырая схема. К великому сожалению, Виктор Егорович тогда не донес до коллег нюансы, которые являлись определяющими, и мы его не так поняли...

В последние годы усугубились проблемы со здоровьем, внутренние распри сказались на работе и переносились на окружающих. Последняя встреча в ноябре 2014 года внушила мне слабый оптимизм. Складывалось впечатление, что на новой работе Виктор будет готов сосредоточиться на написании монографии, во всяком случае, такие намерения были им озвучены. Через два месяца Виктора Егоровича не стало...

Л.Г. Пороховниченко

Список основных трудов В.Е. Сивчикова

Опубликованные

К вопросу стратиграфии верхнепермских отложений Западного Таймыра // Проблемы стратиграфии и магматизма Красноярского края и Тувинской АССР. Вып. 2. – Красноярск, 1991. – С. 27–35 (в соавторстве с А.Н. Федотовым, В.В. Круговых).

О систематическом положении некоторых семян из верхнепалеозойских отложений Ангарида // Кузбасс – ключевой район в стратиграфии верхнего палеозоя Ангарида. – Новосибирск, 1996. – С. 53–67.

Флористические комплексы пермских отложений Западного Таймыра // Там же. – С. 43–52 (в соавторстве с Л.В. Глухой).

Новые данные по стратиграфии верхнепалеозойских угленосных отложений Южно-Минусинской впадины // Геология и полезные ископаемые Красноярского края и Республики Хакасия. Вып. 3. – Красноярск, 1996. – С. 32–37.

Ахтарандинская свита Мало-Ботуобинского района (Западная Якутия) // Актуальные вопросы геологии и географии Сибири. Материалы научной конференции. Т. 1. – Томск, 1998. – С. 295–297 (в соавторстве с И.В. Будниковым).

Опорный разрез верхнего палеозоя Ангарида (критический обзор состояния изученности) // Там же. – С. 183–185 (в соавторстве с И.В. Будниковым, О.В. Ярковым).

Проблемы прослеживания татарского яруса в Центральной Ангарида // Верхнепермские стратотипы Поволжья. Тез. докл. Междунар. симпоз. – Казань, 1998. – С. 158–159.

Уфимский ярус в разрезах Сибири и Верхоянья // Там же. – С. 20–21 (в соавторстве с И.В. Будниковым, А.Г. Клецом, Р.В. Кутыгиным).

Эволюция континентальных экосистем в карбоне Ангарида // Биостратиграфия и эколого-биосферные аспекты палеонтологии. Тезисы докладов XLIV сессии Палеонтологического общества РАН (26–29 января 1998 г.). – СПб., 1998. – С. 88–90 (в соавторстве с Н.Б. Доновой).

Еще раз о границе перми и триаса в Кузнецком бассейне // Материалы научно-практической конференции «Геологическое строение и полезные ископаемые западной части Алтае-Саянской складчатой области». – Кемерово; Новокузнецк, 1999. – С. 69–71.

Косая мегаслоистость – экзотика или система? // Там же. – С. 67–69 (в соавторстве с И.В. Будниковым, В.О. Ярковым).

Некоторые закономерности проявления косой мегаслоистости // Там же. – С. 64–67 (в соавторстве с В.О. Ярковым).

Литодинамическая модель формирования кольчугинской серии Кузбасса // Проблемы геодинамики и минерализации Южной Сибири. – Томск: Томский гос. ун-т, 2000. – С. 241–260 (в соавторстве с И.В. Будниковым, В.О. Ярковым).

Позднепермские палинокомплексы Кузнецкого бассейна в некоторых своеобразных фациальных обстановках // Среда и жизнь в геологическом прошлом. Тез. докл. Всерос. симпоз. 28–29 марта 2000 г. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГТМ, 2000. – С. 35–36 (в соавторстве с Л.Л. Дрягиной).

Факторы эволюции кольчугинской флоры Кузбасса (Кемеровская область) // Среда и жизнь в геологическом прошлом. Тез. докл. Всерос. симп. посвящ. 100-летию со дня рождения проф. Р.Ф. Геккера (28–29

марта 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С. 46–47 (в соавторстве с И.В. Будниковым, В.О. Ярковым).

Динамика ландшафтов и флорогенез в позднем палеозое Центральной Ангарида // Материалы симпозиума, посвященного памяти Сергея Викторовича Мейена (Москва, 25–26 декабря 2000 года). – М.: ГЕОС, 2001. – С. 192–195 (в соавторстве с И.В. Будниковым).

Некоторые закономерности и факторы эволюции позднепалеозойской растительности Ангарида // Биоразнообразие в истории Земли. Тез. докл. XLVII сессии Палеонтологического общества при РАН (29 января – 2 февраля 2001 года). – СПб., 2001. – С. 89–90 (в соавторстве с И.В. Будниковым).

Некоторые закономерности строения кольчугинской серии как основа ее стратиграфического расчленения // Актуальные вопросы геологии и минерализации юга Сибири. – Новосибирск, 2001. – С. 42–45 (в соавторстве с И.В. Будниковым, В.О. Ярковым).

Стратиграфия Ленинского месторождения // Там же. – 2001. – С. 151–161 (в соавторстве с И.В. Будниковым, Л.Л. Дрягиной, О.А. Бетехтиной, С.А. Анастасиевой).

Палеоэкологическая реконструкция взаимоотношений палеофиты и мезофиты в Ангарида // Эволюция жизни на Земле: Материалы II Международного симпозиума. – Томск: Изд-во НТЛ, 2001. – С. 397–400.

Граница перми и триаса на северо-востоке Азии // Геология, геохимия и геофизика на рубеже XX и XXI веков: Мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 10-летию РФФИ (1–4 окт. 2002 г.). – Иркутск, 2002. – С. 25–26 (в соавторстве с А.С. Бяковым, И.В. Будниковым, С.П. Ермаковым, Р.В. Кутыгиным, Н.И. Караваевой, Ю.Ю. Ивановым).

О некоторых аспектах проблемы реконструкции ископаемых растений (на примере позднепалеозойских флор Сибири) // Ископаемые растения и стратиграфия позднего палеозоя Ангарида и сопредельных территорий. – М.: ГЕОС, 2009. – С. 7–9.

Проект единой региональной шкалы верхнепалеозойских отложений Сибири // Там же. – С. 70–74.

Находки фораминифер в верхнепалеозойских отложениях северо-востока Сибирской платформы // Верхний палеозой России: Стратиграфия и фациальный анализ. Материалы второй Всероссийской научной конференции. – Казань: Казанский ун-т, 2009. – С. 187–188 (в соавторстве с О.В. Кривенко, И.В. Будниковым, Р.В. Кутыгиным).

Фациально-генетический анализ и палеогеография верхнего палеозоя Сибири // Там же. – С. 23–24 (в соавторстве с И.В. Будниковым, Р.В. Кутыгиным, А.Г. Клецом, С.К. Горяевым, О.В. Кривенко).

Неопубликованные

Биостратиграфическое изучение разрезов верхнего палеозоя Западного Таймыра и разработка стратиграфической основы для целей геологической съемки масштаба 1:50000. – Красноярск, 1991. – 349 с. (в соавторстве с В.В. Круговых).

Геологическое доизучение масштаба 1:200000 в Минусинской впадине на Абаканской площади. – Красноярск, 1996. – 391 с. (в соавторстве с А.Н. Федотовым, С.А. Измайловой, С.В. Ладыгиным, И.Н. Соболевой).

Составление блока серийной легенды (каменноугольные и пермские отложения) Минусинской серии Госгеолкарты-200. – Красноярск, 1997. – 155 с. (в соавторстве с Н.Б. Доновой).